

выросли Тургенев и Толстой. Григорович никогда не занимался исключительно литературным трудом: одно время он очень увлекался живописью, и, хотя впоследствии принужден был оставить эти занятия вследствие слабости зрения, он внимательно следил за судьбой русского искусства; в последние тридцать лет своей жизни он почти не появлялся в литературе, отдавая все свое время Обществу поощрения художников. И все же этот полурусский по происхождению оказал России ту же услугу, какую оказала Соединенным Штатам Гарриет Бичер-Стоу ее изображением страданий рабов-негров.

Григорович воспитывался в том же военно-инженерном училище, что и Достоевский; окончив курс своего образования в училище, он нанял каморку у сторожа Академии художеств, с целью всецело посвятить себя искусству, и начал посещать классы академии. В это время он познакомился с малорусским поэтом Шевченко (бывшим в то время учеником академии), а позже — с Некрасовым и Валерьяном Майковым (крупным критиком, который умер очень молодым). Благодаря этим знакомствам он начал принимать участие в литературе и вскоре нашел свое истинное призвание.

Некоторую литературную известность Григорович приобрел очерком «Петербургские шарманщики», в котором он с большой теплотой изобразил печальную жизнь этого класса петербургского населения. Русское общество в те годы находилось под влиянием социалистического движения во Франции, и лучшие его представители были глубоко возмущены царившими в России крепостничеством и абсолютизмом. Фурье, Пьер Леру, Жорж Занд были любимыми писателями в русских передовых кружках, и Григорович также был захвачен этим веянием времени. Он уехал из Петербурга и, пробыв около двух лет в деревне, в 1847 году напечатал свою первую повесть из деревенской жизни — «Деревня». Он изобразил в ней, без всякого преувеличения, темные стороны деревенской жизни и ужасы крепостного права; причем это изображение отличалось такой живостью, что Белинский признал и приветствовал в лице молодого писателя крупный талант. Следующая его повесть — «Антон Горемыка», также из крестьянской жизни — имела громадный успех, и ее общественно-литературное значение можно приравнять к значению «Хижины дяди Тома». Ни один образованный человек того времени — да и позже, во время моей молодости — не мог читать без слез о несчастьях Антона и не возмущаться ужасами крепостного права. В течение следующих восьми лет (1847—1855) Григоровичем было написано еще несколько повестей такого же характера — «Рыбаки», «Переселенцы», несколько рассказов из народной жизни («Пахарь» и пр.) и большой роман «Проселочные дороги». Вслед за тем Григорович замолкает. В 1858 году он вместе с несколькими нашими лучшими писателями — Гончаровым, Островским, Максимовым (этнографом) и др. — принял участие в литературной экспедиции, организованной великим князем Константином; согласно плану этой экспедиции некоторые из наших писателей отправлены были для изучения родного края внутри России, а иные приняли участие в морских кругосветных плаваниях. К последним принадлежали Григорович и Гончаров. Описание путешествия, сделанное Григоровичем («Корабль Ретвизан»), довольно интересно, но стоит неизмеримо ниже аналогичной работы Гончарова («Фрегат Паллада»). По возвращении из этой экспедиции Григорович почти исключительно посвятил себя искусству, и в последние годы жизни он написал лишь несколько повестей и «Воспоминания». Он умер в 1899 году.

Все крупные произведения Григоровича появились, таким образом, в промежуток 1846—1855 гг. Критики расходятся в оценке его произведений. Некоторые из наших критиков отзываются о них с большой похвалой, другие же — и таких большинство — говорят, что крестьяне, изображаемые Григоровичем, не вполне реальны. Тургенев указывал, что описания Григоровича холодны; в них чувствуется отсутствие сердечности. Это последнее замечание, может быть, и справедливо, хотя читатель, не сталкивавшийся лично с Григоровичем, едва ли сделал бы подобное замечание; во всяком случае, во время появления «Антон Горемыки», «Рыбаков» и т. д. читающая публика относилась к автору этих произведений совершенно иначе. Что же касается крестьян в изображении Григоровича, то я, со своей стороны, позволю себе сделать одно замечание. Несомненно, что они слегка идеализированы, но необходимо сказать также, что русское крестьянство вовсе не представляет сплошной однородной массы. На территории Европейской России расселено несколько отделов, почти что народностей, и различные части населения развивались неодинаковым путем. Крестьяне южной России не похожи на крестьян северной, так же как крестьяне восточной не похожи на крестьян западной России. Григорович описывал главным образом крестьян, живущих на юге от Москвы, в Тульской и Калужской губерниях, и население этих губерний действительно представляет ту мягкую и слегка поэтическую, угнетаемую и все-таки безобидную добросердечную расу, которую мы видим в повестях Григоровича, — расу, в